

Глобализация и цифровое общество

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru)

ШИМАНСКАЯ Эльвира Степановна — старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; elvira.shimanskaya@mail.ru)

О СПЕЦИФИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РОССИЙСКОМ ЦИФРОСЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье продолжается развитие идей привнесения политического смысла в сетевое российское пространство. Речь идет о специфике политического уже в цифросетевом пространстве. Обосновывается своеобразное целеполагание российского политического дискурса, стремящегося к возможной трансформации от протестно-конфронтационных запросов к созидательной доминанте, которая могла быть создана в цифросетевом поле. Фиксируется позиция власти, что это развитие как бы нацелено на овладение властными приоритетами. Показано, что, напротив, сущность целеполагания сетевого сообщества выражается в основном в овладении политическими смыслами. Главная идея: минимизировать коммуникативное отчуждение власти и социума, используя цифровые технологии и гражданские инициативы. Первые реализуются через политический редукционизм, т.е. появление новых технологий и их экстраполяцию на политическую сферу. Гражданские же инициативы воплощаются через политический активизм граждан, в т.ч. в протестном контексте. Предпринята попытка выявить механизм мобилизации и самоорганизации внутри протестных виртуальных сообществ через онлайн-сетевой функционал. Прослеживается связь сетевой активности и коммуникаций с децентрализацией информативных потоков, увеличивающих тренд на расширение политического участия. Фиксируется критический настрой по поводу экономико-политического развития страны.

Ключевые слова: специфика политического, цифросетевое пространство, паттерны, аттракторы, коммуникационное разотчуждение (деалиенация)

Теория вопроса

Усиливающийся рост влияния современной цифросетевизации актуализирован появлением новых измерений политического. Они, в свою очередь, представлены самой цифровой средой. Сформированная технологическая среда уже становится политическим проявлением. Это согласуется с оценкой политической науки в последнее время, что дает возможность говорить о специфике политического и/или особенностях политического дискурса в данной области. Что касается конституирования этой дефиниции, то оно еще не завершено. Но, по сути, политическое существует там и тогда, где есть и функционируют сетевые политические отношения.

В 2018 г. в журнале «Власть» нами сделана попытка понять, что из себя представляет привнесение политического смысла в сетевую среду. Последующий текст является продолжением этих рассуждений.

В политической науке уже стало константой то, специфика политического детерминирована прежде всего онтологической двойственностью цифрового [Иоселиани 2019]. Последнее существует и объективно, и субъективно. Выступает одновременно и как субстанция, и как модус субстанции и характеризуется определенным соотношением естественного и искусственного. Ее амбивалентность выступает как поле для функционирования технологических инноваций и как своего рода целостный, глобализирующий виртуальный организм. Иллюстрацией этому служит характеристика функциональной амбивалентности пользователя. Будучи одновременно «сетевиком» и «цифро-

виком», он сам является «медиа» со своим контентом и тиражом, со своей собственной платформой, чаще становится и «политическим пользователем».

Аналитика исходит из того, что цифросетевизация – это новая форма социализации и даже приобретаемой идентичности, когда онлайн-социальный капитал и его быстрое накопление переходит в качественные формы гражданского и политического участия [Гвоздиков 2019]. Осуществляется это через систему онлайн-участия, выступающую аттрактором для разрозненных действий и поведенческих цепочек. Система заставляет работать на себя, преобразовывая политические паттерны реальности в цифросетевые паттерны. Политическое проявляется здесь уже в конвенциональном смысле. Механизм положительной обратной связи формирует политические и гражданские конвенции цифросетевой среды. Ориентация на существующий политический мейнстрим способствует вовлеченности в систему онлайн-участия, а также ведет к воспроизводству политических образов. В результате происходит политическое тиражирование паттерна. Примерно таким же образом, на наш взгляд, осуществляется генерация политических отношений в цифросетевом пространстве.

Из сказанного вытекает, что в процессе дигитализации специфика политического обусловлена встроенностью в электронный формат. Характерно то, что посредством новых медиа формируется политический дискурс именно в процессе сетевой интеракции в цифровой среде, где выстраиваются собственные информационные потоки. Современные сетевые медиапроекты не требуют непосредственного участия в создании контента в постоянной коммуникации. Все фрагменты уже заложены в электронную программу. Пользователь лишь собирает из них новую комбинацию с политическим содержанием. Вместе с этим зарождаются сообщества акторов, поддерживающих создание таких комбинаций на постоянной основе. Акторы продуцируют такого рода информацию и осуществляют онлайн- и офлайн-коммуникацию [Кашпар 2019].

В будущем внедрение в дигитализационный процесс когнитивных систем позволит использовать непрерывное перепрограммирование пользователя и эффективнее прогнозировать политические последствия тех или иных действий.

Изложенное подводит нас к когнитивистике рассматриваемого вопроса, а именно, в чем выражается целеполагание политического дискурса в этой сфере. В Российской Федерации это обусловлено актуализацией социально-политических отношений между властью и социумом вообще и властью и цифросетевым пространством в частности. Здесь все, как свидетельствует фактическая реальность и реальность виртуальная, взаимно детерминировано. Общественная потребность заключается в стремлении к желательной трансформации от протестно-конфронтационных запросов к созидательной доминанте, которую можно было бы создать в цифросетевом поле. Но власть не уверена, что в этом случае такого рода развитие не нацелено на овладение властными приоритетами, если не на их захват. Однако сущность целеполагания сетевого сообщества выражается в основном в овладении именно политическими смыслами.

Подобного рода позиция власти актуализирует необходимость преодоления создавшегося в современной России так называемого коммуникационного провала между властью и гражданским обществом. Когнитивистика позволяет здесь формулировать более точно: это «коммуникационное отчуждение», т.е. коммуникационная алиенация. Такой подход укладывается в логику генерации неинституционализированных сетевых акторов, происходящей под воздействием ризомной сетевой самоорганизации. В коммуникативной онлайн-среде создаются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в

любом направлении и принимать произвольную форму, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети. Ризомная коммуникативная онлайн-среда способствует формированию автономных от вертикали власти сетевых сообществ вне политического представительства и участия.

Механизм ризомной сетевой самоорганизации содействует появлению как принципиально новых политических акторов, так и нового политического дискурса в связке «власть — социум», что позволяет коммуницировать с властью на равных и способствовать процессу коммуникативного разотчуждения (деалиенации). В этом качестве ризомный принцип выступает реальным деалиенатором в коммуникативных отношениях власти и социума.

Это как раз вписывается в процесс коммуникативного разотчуждения, т.к. использует коммуникационные возможности цифросетевых акторов путем различных электронных практик, что достаточно полно отражено в литературе. Вместе с тем политическая наука обосновывает и необходимость встраивания сетевых гражданских инициатив в современные политические отношения, что позволит структурировать неиерархическое пространство сетевых коммуникаций.

Минимизация данного отчуждения учитывает специфику политической активности цифросетевых акторов. В концентрированном виде уже обозначился соответствующий тренд. Вначале он был интернет-активизмом, сейчас уже рассматривается активизм гражданский и политический. Такое разделение можно считать искусственным, поскольку, исходя из сущего, и тот и другой активизм во многом тождественны. Императивы государства и социума культивируют активизм гражданина, влияют на него, т.е. это субъект-объектные отношения, при которых гражданское самосознание перетекает в политическое сознание до превращения человека из объекта в субъект. Иначе говоря, политически осознавший себя индивид — уже субъект гражданственности и наоборот [Михайленок, Щенина 2018].

Практика политического активизма в цифросетевую эпоху: протестный контекст

В данном ракурсе активизм политического сетевого гражданина вполне реально может способствовать коммуникативному разотчуждению власти и общества. В этих условиях трудно переоценить значимость информационного пространства в подготовке и координации коллективных действий при отсутствии централизованной организации. Если до некоторого времени управление информационными потоками осуществлялось исключительно властью, то с развитием сетевой активности и коммуникаций в Интернете происходит децентрализация информационных потоков, что в значительной степени увеличивает шансы на расширение политического участия. Одновременно интенсифицировалось, однако, и противодействие сетевым политическим протестам со стороны властных структур, например, такие стратегии, как игнорирование либо уступки, силовые действия, уголовное преследование, дискредитация лидеров протестного активизма, хакерские атаки, усиление контроля за деятельностью в Интернете.

С учетом данных обстоятельств представляется важным обратить внимание на процессы, протекающие в России внутри виртуальных сообществ протестной направленности, а также попытаться выявить механизмы их мобилизации и самоорганизации посредством социальных онлайн-сетей. В этих целях применяются различные технологии, базирующиеся на достижениях цифровизации, в т.ч. широко используется платформа Интернета и сети мобильной связи. Это свидетельствует о трансформации традиционных форм коллективного дей-

ствия и конструировании коллективной идентичности, что значительно повышает результативность при достижении поставленных целей.

С изменением способов организации протестной активности (имеется в виду организация протестов по сетевому принципу) одновременно происходит трансформация форм ее проявления, хотя нельзя списывать со счетов по-прежнему существующие традиционные формы организации протестных движений.

Создаваемые протестующими информационная среда и инфоконтент определенным образом оказывают влияние на восприятие гражданами функционала органов власти, их решений и политику в целом. Отсюда вывод: сетевая протестная активность неизбежно приобретает политическую направленность.

В политологических исследованиях можно встретить определение сетевого политического протеста как формы коллективного действия, ориентированного на оспаривание социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях посредством различных инструментов мобилизации ресурсов на основе сетевого взаимодействия с использованием цифровых технологий и новых медиаформатов [Тимофеева 2014]. С нашей точки зрения, можно добавить и такие отличительные особенности функционала сетевого политпротеста, как равноправие, добровольность, гибкое лидерство, личная вовлеченность, взаимообмен ресурсами во имя достижения общих целей и, естественно, горизонтальная коммуникация.

Принято считать, что в России Интернет и социальные сети впервые сыграли политически важную роль в ходе предвыборной кампании 2011–2012 гг., когда в режиме реальности произошло ценностное разделение российского общества. Именно использование Интернета, а с его помощью – сетевых коммуникаций и технологий организации коллективного действия явилось одним из факторов, способствующих этому разделению. Политические требования не стали актуальными для большинства граждан, которые не желали перемен в сложившемся социальном порядке, поэтому поддерживали власть. К тому же социологические опросы не выявили связь между уровнем протестных настроений и политической протестной активностью.

Со временем все большую значимость в жизни российского общества приобретают новые ценности. Это качество жизни, справедливость, право на самовыражение, охрана окружающей среды. Именно в их защиту формируется сетевой политический активизм последнего десятилетия. Ярким свидетельством этому явились протестные акции 2019 г. как в различных регионах России, так и в мире. Можно говорить о возрастающей социально-политической активности и даже агрессии. Отличительная особенность их всех состоит в том, что они происходят в новой информационно-коммуникационной среде; почти повсеместно лишены выраженного лидерства и системы требований и не имеют внятной повестки; выражают общее недовольство происходящим. Определенное значение имел и повсеместный рост имущественного неравенства, неудовлетворенность качеством жизни, устаревание национальных и мировых элит, разрушение системы социализации и достижения социального согласия.

Однако в 2019 г. протестный потенциал в нашей стране был неоднозначным, в каждом регионе протест шел по своему уникальному сценарию. Митинги и протестные акции прошли в 50 регионах страны и своей массовостью вызвали у власти, так скажем, удивление. Однако российский сетевой политический протест не вошел в стадию радикализации. В какой-то степени это был урок гражданской ответственности.

Отмечалось, что в некоторых субъектах РФ жители стали охотнее и активнее заявлять о своих проблемах и несогласии с действиями властей; была обо-

значена необходимость социально-политических перемен, есть осознание очевидного — модели социально-экономического и политического развития исчерпали себя. Например, московские протесты 2019 г. показали, что граждане полны решимости вернуть себе право быть соучастниками политического процесса. В России протестовала не только столица. И снова повод исходил от власти — недовольство было вызвано планами проведения мусорной реформы, экологической политикой.

Наблюдение за протестными акциями в современной России, начиная с перестроечных времен, показывает, что их стихийный характер (митинги и пр.) приобретает все более организованные формы. По меткому замечанию О.Н. Яницкого, мы становимся свидетелями возникновения логистики массового протеста [Яницкий 2013].

Это стремление проявилось повсюду в мире: на Западе — те же протесты «желтых жилетов» или выступления профсоюзов во Франции с требованием пересмотра пенсионной реформы; в странах Латинской Америки, в Гонконге или на Ближнем Востоке, т.е. везде, где сосредоточены ресурсы. Характерным для нынешнего этапа политического активизма явилось то, что у протестующих нет лидеров, но есть силы, оказывающие влияние. Пространство недовольства не едино, но показателен рост запроса на перемены, политические свободы и равенство перед законом, а также то, что обществу необходимы каналы выхода для недовольства и протеста, который имеет легитимность. Самоорганизация протестного активизма представляет собой пусть еще несовершенную, но сетевую структуру.

Тренды развития общественно-политической и социально-экономической ситуации последних лет привели к созданию накопительного эффекта недовольства и протестного настроения в современном обществе как в России, так и во всем мире. Динамика политической сетевой протестной активности зависит от конкретной политической обстановки в стране и заинтересованности инициативных групп граждан в выступлении по политическим вопросам.

В России по мере приближения выборов 2021 г. и 2024 г. политическая ситуация будет, возможно, турбулентной. Еще рано свидетельствовать о наличии взаимозависимости между постепенным «накопительным» ростом протестных настроений и нарастанием политической протестной активности. Политический сетевой протест еще широко не поддержан большинством населения России. Однако можно говорить о таком явлении, как радикализация политического процесса в российском обществе, который мы наблюдаем со второй половины 2018 г. (после принятия пенсионной реформы).

Ответные меры со стороны государства последовали незамедлительно: ужесточен режим функционирования НКО, введен статус «иностранный агент» для физических лиц, определен регламент пользования интернет-ресурсами, названы регионы, чьи руководители не справляются с работой по линии внутренней политики.

Под влиянием этих факторов политическая социология фиксирует примеры политического антиактивизма, влияющие на нормальное течение коммуникативного деалиенационного процесса. Наиболее значимые из них — это политическая бедность, абсентеизм, утрата доверия и др. Перепады в социально-экономическом положении моделей, порождающие коммуникационное отчуждение от власти, реально отразились в появлении политической бедности. В политологии она трактуется как неспособность группы граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и их очевидная незащищенность перед последствиями намеренно или ненамеренно принятых решений. Политическая бедность коррелирует с материальной бедностью, выводит

граждан из публичной сферы. Их пассивность воспринимается как согласие с проводимой политикой. Так, социологи в США и России выявили, что «политическим бедным» в обеих странах является каждый третий гражданин, что не может не сказываться на их политическом активизме.

В РФ институты политического участия, сетевого активизма контрастируют с офлайн- и онлайн-абсентеизмом всех возрастных групп россиян, что усугубляет конфликт формальных и неформальных практик.

В условиях глобального падения доверия к институтам власти спрос на ее легитимность особенно высок. Согласно опросу *Edelman Trust Barometer*, общий уровень доверия к власти в мире в 2019 г. составил 50%, в РФ — 29%.

Специфика политического в рассмотренной сфере достаточно рельефно проявляется в гражданском активизме акторов цифросетевого пространства. Тем не менее последнее пока не сформировало ясные контуры, по которым можно было бы судить о возникновении нового качества политических отношений в виртуальном поле. Аналитика свидетельствует, что сам по себе перенос политического активизма в цифровое пространство не приводит автоматически к увеличению демократических акторов. Цифросетевой активизм отчасти лишь гарантирует развитие сетевой, прямой демократии. Поэтому формулировать то, каким будет новый политический дискурс в цифросетевом пространстве, можно весьма условно. Это зависит от политического редукционизма, т.е. экстраполяции новых цифровых технологий на политическую сферу.

Кроме того, углубленный когнитивизм в понимании специфики политического, его опредмечивания влияет на смылосодержащий контент сетевых политических отношений. Из этого будет произрастать политическое будущее РФ.

Цифросетевизация — вопрос времени. Основная проблема в меняющемся дискурсе связана с ролью государства: будет ли оно способно сохранять устойчивое положение в политической системе либо же позволит социуму в полной мере опираться и на новых, неинституциональных акторов, политический активизм которых складывается в условиях трансформирующейся информационно-коммуникационной среды.

Список литературы

Гвоздиков Д. 2019. Развитие систем действия коммуникативных сред в процессах цифровизации. — *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина*: сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения — 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Иоселиани А. 2019. Социокультурная рефлексия технологизации и цифровизации общественной жизни. — *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина*: сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения — 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Кашпар В. 2019. Особенности дигитализации средств массовой коммуникации в цифровом обществе. — *Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина*: сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения — 2019. М.: МАКС Пресс. 2019.

Михайленок О., Щенина О. 2018. Антропологическое измерение политики: новый «сетевой человек». — *Вестник МГОУ: электронный журнал*. № 2. С. 155-168.

Тимофеева Л. 2014. Конфликтотенность взаимоотношений власти и оппозиции в условиях политической модернизации: риски и возможности их гармонизации. — *Конфликтология*. № 4. С. 82-93.

Яницкий О.Н. 2013. Протестное движение 2011–2012: некоторые итоги. – *Власть*. № 2. С. 14–19.

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; b.i.zelenko@rambler.ru)

SHIMANSKAYA Elvira Stepanovna, Senior Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; elvira.shimanskaya@mail.ru)

ON THE SPECIFICS OF THE POLITICAL IN THE RUSSIAN DIGITAL NETWORK SPACE

Abstract. *The article continues the development of ideas for bringing political meaning to the Russian network space. The authors shows the specifics of the political already in the digital network space. The paper substantiated, that peculiar goal-setting of the Russian political discourse is striving for a possible transformation from protest-confrontational requests to a creative dominant that could be created in a digital network field. The position of the authorities is that this development is aimed at mastering, if not at seizing the power priorities. On the contrary, it is shown that the essence of the goal – setting of the network community is expressed mainly in the mastery of political meanings. The main idea is to minimize the communicative alienation of power and society, using digital technology and civic initiatives. The former are realized through political reductionism, i.e. the emergence of new technologies and their extrapolation to the political sphere. Civic initiatives are embodied through political activism of citizens, including in a protest context. An attempt was made to identify the mechanism of mobilization and self-organization within protest virtual communities through online network functionality. The connection of network activity and communications with the decentralization of informative streams that increase the trend towards increased political participation is traced. The authors trace a critical attitude towards the economic and political development of the country.*

Keywords: *political specificity, digital network, patterns, attractors, communication exclusion (dealienation)*
